

12+

Владимир Могол

Сказ об Иване и Острове Буяне

Владимир Могол

Сказ об Иване и острове Буяне

«Издательские решения»

Могол В.

Сказ об Иване и острове Буяне / В. Могол — «Издательские решения»,

Остров Буян на ветхих картах выглядит как клякса легенда, но однажды туда шагнёт Иван, который почти ничего о себе не помнит. Его встретят лес, душащий за шаг в сторону, печь с голосом ворчливой бабушки, дух несуразности Ряха и речка Забудь трава, где каждый глоток стоит имени. Это сказка о цене памяти, чужой боли и странном сокровище, что дышит под водой.

© Могол В.

© Издательские решения

Содержание

Аннотация	6
Часть 1.	7
Часть 2.	12
Часть 3.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сказ об Иване и острове Буяне

Владимир Могол

© Владимир Могол, 2026

ISBN 978-5-0070-2783-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Аннотация

На ветхих картах остров Буян — не больше, чем легенда, клякса, куда не долетают даже чайки. Но Иван, парень с упрямством старого гвоздя и памятью, полной дыр, однажды ступает на его берег — промокший, ничего не помнящий и очень не вовремя. Его ждут: лес, который душит за шаг в сторону; печь с голосом, похожим на ворчливую бабушку; дух несуразности Ряха, переставляющий ложки и судьбы; речка Забудь-трава, где каждый глоток стоит имени; и Кошей, который держит под водой не золото, а дышащий клад. Это сказка о том, как трудно не отвернуться от чужой боли, как смешно иногда заблудиться и как страшно — вспомнить всё. Даже то, что зудит под лопаткой. Даже то, что хотелось бы забыть.

Часть 1. Переступив порог

Где-то за краем привычных карт, там, где море смывает чернила и рвёт бумагу, люди шёпотом пересказывали друг другу одну и ту же байку. Поговаривали, будто после страшного урагана на берег выбросило странный клочок: обрывок древней карты, весь в пятнах соли и дырах от времени.

На том клочке было нарисовано море, похожее на заплутавшую прядь, и крошечный островок посреди волн. Около острова чудом сохранился нарисованный крестик, а рядом рукой давно исчезнувшего человека был нарисован сундучок с распахнутой крышкой. Над всем этим кривоватыми полустёртыми буквами значилось: «Буян».

С тех пор по трактирам и пристаням поползли слухи: где-то за линией горизонта лежит остров Буян, а на нём припрятан такой клад, что и старец не обеднеет, и юнец вмиг разбогатеет. Клад не золотом богат — а тем, что внутри. Каждый добавлял к истории своё, и чем дальше рассказ перекачивался от берега, тем больше обрастал небывалыми подробностями. Некоторые ввали так искусно, что сами начинали верить.

Один только юноша внимательно слушал эти рассказы. Звали его Иван. Однажды в дымном трактире у самого моря, когда кружки звенели чаще, чем монеты, к нему подсел захмелевший, высохший, как вобла, старый морской волк.

Помолчал, посмотрел мутным, но цепким глазом — и вытащил из-за пазухи смятый солёный клочок.

— Мой путь уже по ветру, а твой только по волне. Может, пригодится, — хрипло сказал он, шлёпнул обрывок на стол и ушёл, будто его и не было.

Иван так и не успел спросить ни имени старика, ни правда ли то, что об острове болтают. Он долго вертел клочок карты в руках, всматриваясь в кривой крестик и нарисованный сундук. Каждый раз, когда он касался шершавого края бумаги, сердце тревожно ёкало, и внутренний голос шептал: «Тебе туда».

И однажды Иван решился: нанялся на корабль, который шёл мимо загадочного острова, договорился с капитаном насчёт лодки и отправился за мечтой.

* * *

Вышли в море. Берег скрылся за горизонтом...

А потом поднялся шторм. Небо над головой почернело, как перепачканный сажей котёл, волны встали стеной и с ужасной силой бухали в борт. Корабль не выдержал: мачта затрещала и рухнула на корму, паруса ветром порвало, как старые рубахи, и унесло в море.

Кто-то из моряков кричал, кто-то молился, кто-то пытался удержать штурвал — всё бесполезно. Корабль накренился, и огромная волна смыла Ивана за борт. Он судорожно сжимал в кулаке тот самый клочок карты. Волна грохнула его о воду, мир перевернулся: небо и море, крики и грохот смешались в один сплошной грохот. Последнее, что он увидел, — обломок реи, который мигом позже опустился ему на голову.

Потом наступила крошечная тьма. И тишина.

* * *

На море-океане, за семью туманами и тремя ветрами, там, где на картах значится «Terra incognita»¹, а компасы молчат, лежал остров Буян. Волны ходили вокруг него кругами, будто что-то сторожили, а небо было всегда чуть темнее, чем над остальным морем: словно кто-то когда-то раскинул над Буяном прозрачный полог сумерек и забыл его убрать.

* * *

Иван очнулся от приливной волны, которая так и норовила засыпать ему лицо песком. Он поперхнулся, откашлялся, выплюнул комок песка. Соль жгла губы, в ушах перекатывались песчинки, а в голове было пусто, как в выметенном сундуке. Имени своего он не помнил. Воспоминания обрывками проносились, но не желали складываться в единую картину — капризничали, как кошки на дожде.

Он перевернулся на спину, глотнул воздух. Над ним медленно плыла тяжёлая серая туча, по краю которой светилась тонкая, серебряная кайма. От этого света ломило глаза, и в груди ёкнуло: так иногда шевелится давно забытая память, когда слышишь знакомую песню.

«Песня» — отозвалось в нём. Кажется, было море, корабль, чьи-то голоса, смех — и резкий крик, будто сама ночь надломилась и пропала. С чего началось и чем кончилось — он не помнил.

Он сел, посмотрел на ласковое море, песок на берегу и оглянулся. Позади тянулся тёмный берег, дальше поднимался пригорок, поросший травой непонятного цвета: то ли зелёной, то ли синеватой. Чуть в стороне стояли чёрные гладкие камни, и на каждом — по белому кругу, словно кто-то нарочно нарисовал глаза у самой воды.

— Живой, значит, — проговорил кто-то у него за спиной голосом сухим и скрипучим, как старые коренья. — Ну и ладно. На мёртвых ниток не напасёшься.

Иван резко обернулся. Берег позади вырастал в пологий пригорок, а за пригорком виднелся лес. Верхушки старых корявых деревьев были скручены неведомой силой: ветви пере-

¹ Terra incognita — неизведанная земля.

плетались узлами, стволы гнулись дугой к земле и торчали в сторону — будто их когда-то пытался вывернуть сам весёлый ураган.

Между стволов вились клочья тумана, а из глубины леса поднимался к небу тонкий сизый дымок. Он то исчезал, то снова проступал, словно кто-то долго и терпеливо топил очень древнюю печь. У самой кромки деревьев стояла согбенная фигура — старуха, чей голос он только что слышал. Она опиралась на кривой сучковатый посох и косо мерила его взглядом.

— Что, не узнаёшь берег? «Пошли», — сказала она просто. — По тропе иди. Шаг влево, шаг вправо — корявые ветки подхватят, утащат в чашу, потом и костей не соберёшь.

Он сглотнул и кивнул, хотя не был уверен, что она ждала ответа. Они пошли. Тропа вилась между стволами, то прижимаясь к земле, то взбираясь на корни, как на маленькие ступеньки. Деревья становились всё кривее, ветви тянулись к путникам, точно корявые руки.

Иван несколько раз ловил себя на том, что взгляд сам сворачивает с тропы к странным провалам, и каждый раз старуха шлёпала посохом по земле:

— Не зевай. Лес любит тех, кто теряется. А теряться тут — удовольствие ниже среднего.

Чем дальше они уходили от берега, тем плотнее становился воздух. Сизый дымок впереди тянулся вверх всё отчётливее, как нитка, привязанная к невидимому гвоздю в небе. Запах дыма смешался с запахом влажной коры и трав — от этого в голове стало чуть светлее. Дым был тёплым и почти домашним.

Наконец лес чуть расступился, и тропа вывела их на небольшую поляну. Чуть поодаль стояла избушка. Старые, потемневшие брёвна, зелёные заплатки мха. Избушка стояла на одной кривой узловатой ноге; другая — такая же, но давно подкосившаяся — торчала в сторону, упираясь в землю и пытаясь удержать дом от падения. Крыша покосилась, с неё свисали клочья коры и серые лишайники.

Дверь, вся в трещинах, держалась на ржавых петлях и при каждом порыве ветра тихо поскрипывала — словно вздыхала. На окне оставался один облупившийся ставень, второй лежал рядом в траве, основательно вросший в землю. В общем, избушка выглядела так, будто ей лет сто не делали ремонт, а она и не жаловалась.

Две кривые ноги тяжело переступали, оставляя в песке глубокие вмятины. Избушка никак не могла решить, где ей стоять.

Старуха ткнула посохом в ногу:

— Стоит ещё, упрямица, — проворчала она. — Чинить нынче некому, а там видно будет.

— То сюда, то туда, — пробормотала избушка и ухнула, усаживаясь на своё исконное место.

— Ну чего застыл, как недоутопленный? — донёсся сухой голос уже сбоку. — Ветер утащит в море — опять искать придётся.

Старуха подошла к двери, та протяжно скрипнула и приоткрылась, выпуская наружу тёплый запах дыма, травы и чего-то горьковато-уютного. Иван вдохнул глубже и шагнул следом.

Внутри оказалось неожиданно просторно. Потолок закопчён, на балках висели пучки трав, корешки, связки неведомых ягод. У стены — лавка, в углу — печь с тёмным зевом, откуда тянулся тот самый сизый дымок. Пол поскрипывал, но держал крепко — не подвёл.

Старуха прошла к печи, шевельнула заслонку, подбросила дровишек и какой-то сухой пучок травы — по избушке разлился терпкий дух.

— Садись, — кивнула она на лавку.

Он сел, и усталость навалилась тяжёлым покрывалом. Голова глухо ныла, будто в ней продолжал греметь далёкий гром. Старуха сняла с печи почерневший чугунок, плеснула чего-то в глиняную кружку, добавила пригоршню мелко нарезанных листьев из связки, помешала и поставила кружку перед ним.

— Пей, — велела она. — Голова у тебя билась — аж гром обижался. Настой не сладкий, зато память по кусочкам собирает.

Иван поморщился от запаха — отдавало дымом, горечью и солью — но сделал глоток. Горячая жидкость обожгла язык, потом разлилась теплом по горлу и внутри груди. Мир на мгновение качнулся, как палуба, но не отдалился, а наоборот — стал чётче.

Перед глазами, как в открывшемся окне, вспыхнули обрывки картинок: дымный трактир у моря, грубый стол, чьи-то руки, кружки, залиvistый смех. Высохший, как вобла, старый моряк с лицом, изрытым морщинами, глухо говорит: «Мне уж по ветру, а тебе — по волне», и шлёпает на стол солёный смятый клочок карты с крестиком и сундуком. И шёпот внутри: «Тебе туда».

— Клад — сорвалось у него. Он сам удивился, как знакомо прозвучало это слово. — Я шёл за кладом. К острову Буяну. Кто я?

Старуха подняла на него глаза. В их глубине шевельнулся отблеск, словно в тёмном колодце качнулась звезда.

— Клад, говоришь, — протянула она. — Вот и дошёл. Кто, кто... кто надо.

— Я — он попытался ухватить имя, но оно снова ускользнуло, как мокрый ёрш.

— Хватит, — отрезала старуха. — Имя своё ещё вспомнишь, когда пригодится. А может, и не стоит раньше времени. Выспишься — само выплывет.

Она подошла к низкому столу и откуда-то из тени вытянула тряпицу. Развернула — на серой потёртой ткани лежали три предмета. Простые на вид, но не до конца принадлежавшие этому месту.

— За кладом, говоришь... — пробормотала старуха. — Клады бывают разные. Одни золотом забивают, другие — костями. Тебе вот это сгодится больше, чем сундуки.

Первым предметом была деревянная ложка, тёмная, без резьбы, и такая гладкая, что в ней отражался огонёк печи. Вторым — маленький согнутый гвоздь с квадратной шляпкой, рыжий от ржавчины, но странно тяжёлый на вид. Очень старый, ручной работы. Третьим — белёсое перо, тонкое, почти прозрачное, как ледяная игла, но не холодное, а с тёплым, слабым свечением.

Старуха протянула тряпицу парню.

— Это на три случая. Потратишь — дальше сам.

Он машинально разжал ладонь. Предметы один за другим сами легли в неё: ложка — тёплая и привычная, гвоздь — шершавый и упёртый, перо — почти невесомое, только кожу слегка щекочет.

— Зачем они мне? — сорвалось у него, но старуха уже отвернулась, опускаясь на низкий табурет у окна. Взяла в руки клубок и спицы, ловко подцепила петли, вывязывая носок, — словно ничего особенного не произошло.

— Вопрос у тебя один, — напомнила она, не поднимая глаз. — Любой. Только не «где я» и не «как уйти». Это тебе и так путь расскажет.

Парень замолчал. Внутри бурлил десяток «почему», «кто я», «что дальше», но они толкались, как люди на тесном причале, и только мешали сосредоточиться.

Перо в его ладони чуть дрогнуло, как от невидимого ветерка. В висках отозвалось: будто когда-то он уже стоял перед чьим-то порогом и тоже должен был выбрать вопрос — и тогда выбрал не тот.

— Скажи... — медленно произнёс он. — Как мне узнать, что я иду не туда?

Слова прозвучали тихо, но чётко. Старуха отложила вязание.

— Не куда идти спрашивай, а как узнаешь, что ошибся, — пробормотала она задумчиво. — Запомни, парень: дорога, что лёгкая, как чужая песня, редко твоя. Твоя — та, где если побойшься — останешься, если пожалеешь — потеряешь, если промолчишь — никогда больше не услышишь.

Она резко засмеялась — каркающим, но добрым смехом — потом махнула рукой:

— Вот тебе и ответ. Не поймёшь сразу — дойдёшь до первого непонятного случая, поймёшь.

Иван хотел переспросить, но почувствовал: что-то в избушке изменилось. Воздух стал плотнее, тени потянулись к двери, а за порогом шум ветра и моря усилился, превратившись в глухой рокот.

— Иди, — сказала старуха. — Остров тебя уже услышал и заметил. Долго он ждать не любит. Терпение у него — как у чайки на одной ноге.

Иван шагнул к двери. На миг показалось, что пол под ногами качнулся, как палуба корабля. Снаружи пахло солью, травой и чем-то ещё — новым, незнакомым, но странно родным. Как запах дома, в котором ты никогда не был, но скучал по нему.

Он переступил порог. Мир за дверью оказался ярче и резче. Ветер ударил в лицо, тронул перо в ладони — и оно вспыхнуло мягким светом. С моря потянуло туманной дымкой, в которой угадывались силуэты камней-глаз у воды, далёких деревьев на пригорке и узкой тропы, уходящей в глубь острова.

Вдали, за полосой деревьев, чуть слышно звякнуло: не то металл о камень, не то чей-то смех. Остров Буян прислушивался к каждому шагу.

Парень — тот, кого когда-то звали Иваном, хоть он этого уже не помнил, — сжал в руке ложку, гвоздь и перо и сделал первый шаг по тропе.

Приключение началось. И, казалось, ему было суждено сначала посмеяться, а уж потом удивить.

Часть 2. Говорящая печь

Его путь снова лежал через древний лес, только теперь он отдалялся от берега, уходя вглубь острова. Тропа была узкой, как натянутая верёвка, и вилась всё глубже. Лес был не просто старым — он был жадным. Жадным до всякой живности, как дети до варенья.

Деревья, корявые и перекрученные, прижимались друг к другу и шумели, как старухи на базаре, не желающие никого пропускать. Их ветви тянулись над тропой, переплетались, образуя низкий свод. Иногда казалось, что он идёт не по земле, а по чреву какого-то огромного зверя, и сверху сомкнулись его рёбра.

Стоило сделать шаг в сторону — ветви отзывались. Сначала лёгким шорохом, потом ощутимым касанием, как чужие пальцы, проверяющие, не заблудился ли ты.

Иван старался смотреть только под ноги. Тропа шла между корней, взбиралась на них, как на ступеньки, ныряла вниз. Раз, другой, третий он цеплялся босой ногой за выступ, но удерживался. На четвёртый — не удержался.

Нога соскользнула с влажного корня, земля под ним подалась, и он рухнул в траву рядом с тропой, больно ударившись плечом. Воздух вырвался из груди с глухим «ух». И в ту же секунду лес ожил. Из-под ближайшего дерева к нему метнулась тонкая узловатая ветка и мягко, но цепко обвила щиколотку. За ней — вторая, потолще, охватила другую ногу. Сбоку, из тени, вынырнула третья, схватив за запястье. Запах сырой коры стал резче, плотнее, и в нём появился прелый, затхлый привкус — так пахнут старые чуланы, где годами хранили ненужные вещи.

Он попытался подняться, но ветви держали крепко. Они не просто цеплялись — тянули, затягивали в свою дремучую темень. С каждой секундой хватка становилась сильнее. Одна ветка медленно поползла к горлу, другая — к поясу, стараясь перевернуть его лицом вниз, к тёмной сырой земле. Деревья скрипели, будто тихо посмеиваясь.

Иван дёрнул рукой, другой — никакого толку. Дёргаться было всё равно что дёргать сеть, в которой уже застрял: каждое движение давало ветвям новую опору. Паника начала подниматься откуда-то из живота и пошла вверх, к горлу. На миг ему захотелось просто зажмуриться и перестать сопротивляться. Пусть уже тянут — хуже, кажется, всё равно не будет.

В этот момент одна из ветвей с силой скользнула по руке, оставив длинную, жгучую царапину. Он невольно вскрикнул и попытался прижать рану ладонью... но ладонь нащупала не кожу, а грубую ткань кармана. Под пальцами что-то твёрдое и шершавое укололо кожу. Он вспомнил.

Старуха у печи. Сизый дым. Тряпица на столе. Три предмета: ложка, тёплая и привычная; перо, светящееся изнутри; и кривой, рыжий от ржавчины гвоздь. *«Гвоздь как раз может мне помочь»*, — мелькнуло в голове. Он нащупал его, дёрнул из кармана. Ветви тут же сжались сильнее, будто учуяли железо.

Гвоздь лежал в ладони — маленький, согнутый, совсем несерьёзный рядом с этими корявыми жилистыми лапами. Он машинально сжал пальцы, и ржавчина больно впилась в царапину.

— Ну уж нет, — выдохнул он сквозь зубы.

Иван рванулся не всем телом, а рукой. Не дёрнул — ударил. Гвоздь описал короткую дугу, полоснув по ближайшей ветке. На мгновение всё изменилось. Вместо кривого старого гвоздя в ладони блеснул клинок. Узкий, прямой, с матовой сталью, по которой тёмной дорожкой пробежал тот самый ржавый оттенок. Лезвие разрубило ветвь, как сухую соломинку. Та взвизгнула — по-настоящему, тонко, обиженно — и отпрянула, отбрасывая мелкие щепки.

Он не успел удивиться. Развернулся, рубанул в другую сторону, по той ветви, что тянулась к шее. Ещё один визг, ещё разорванная древесная плоть. В воздухе запахло свежей щепой и смолой — будто он оказался на лесоповале.

Ещё секунда — и всё кончилось. Клинок в его руке мелькнул, словно проскочила искра, и снова стал гвоздём — шершавым, тяжёлым, с прежней рыжей коростой. Оставшиеся ветви замерли, дрогнули, как будто прислушиваясь, и медленно отползли назад, подбирая обрубки. Тропа снова отделилась от остального леса тонкой, но чёткой полосой. Деревья стихли. Больше ничего к нему не тянулось.

Он полежал несколько мгновений, тяжело дыша, пока сердце не перестало колотиться, как молот по наковальне. Потом осторожно, стараясь не касаться травы за тропой, поднялся и положил гвоздь в карман.

— Померещилось... — пробормотал Иван, оглядывая ладонь. Никакого клинка, только ржавый слегка согнутый железный стержень. — Видать, сильно стукнулся головой в шторм.

Но кожей он чувствовал: не померещилось. Лес больше не протягивал к нему ветвей. Они словно отвернулись, делая вид, что ничего не было. Ветки перестали шептаться, только иногда где-то в глубине слышался короткий скрип — вроде зубов, стиснутых от досады. Он пошёл дальше, не позволяя себе заглядывать по сторонам. Тропа постепенно пошла под уклон.

Иван шёл уже долго. Как долго — не знал: солнца не было видно, небо над островом то густело, то светлело само по себе, будто кто-то крутил невидимую заслонку. Тропа петляла между корявых стволов, ныряла под корни, выскакивала на кочки и снова исчезала в траве странного цвета — то ли зелёной, то ли отливающей синевой.

Иногда ему казалось, что он ходит по кругу. Иногда — что шагов было всего три, а всё остальное только привиделось.

Лес внезапно расступился. Внизу тянулась неглубокая низина, по дну которой лежал блеклый белёсый песок. На горизонте тонкой полосой сверкал берег небольшой бухты — бледный, чуть сероватый, как старая кость. На фоне песка темнели несколько построек: старые покосившиеся деревянные домишки — будто кто-то давно бросил здесь целую деревеньку, а потом забыл о ней лет на сто.

Воздух стал суше, в нём появился знакомый запах моря и ещё один — сладковатый, тёплый, как раньше утром в деревне: пахнувший... хлебной коркой.

Ложка, гвоздь и перо лежали в кармане и будто оттягивали ткань изнутри. Иногда казалось, что именно они держат его на тропе: стоит остановиться — и тянущее, тёплое ощущение в груди пропадёт, а следом исчезнет и дорога.

Подойдя ближе, Иван увидел, что крыши домишек прохудились. В одном месте сквозь дыру торчала одинокая засохшая ветка — дерево проросло изнутри. Ставни болтались неизвестно на чём, некоторые уже лежали в песке, наполовину засыпанные. Вокруг домов росли редкие кусты, больше похожие на колючки. А немного в стороне от домишек стояла она — печь.

Белая когда-то, теперь местами обвалившаяся и потемневшая, она вросла в землю по самое жерло топки. Ни крыши над ней, ни стен — только одна печь посреди пустой низины, как забытый очаг, от которого дом давно отказался и, судя по всему, не извинился. Из чёрного устья мягко тянулся сизый дымок. Жар оттуда чувствовался даже на расстоянии. А вместе с ним — тот самый запах: печёных хлебных корок, чего-то горячего, ароматного и очень домашнего.

Иван непроизвольно сглотнул.

— Ну и место, — пробормотал он. — Сначала лес, который душит, потом печь, которая сама по себе... Чего дальше ждать? Говорящего веника?

Он сделал несколько шагов вперёд. Печь, казалось, молчала. Дым тонкой струйкой поднимался вверх и, не долетая до серого неба, растворялся. На побеленных когда-то боках темнели трещины, мох в них образовывал узоры, которые легко можно было принять за старые стёршиеся надписи.

Иван подошёл ближе. Жар теперь касался щёк, как тёплая рука. В этот момент устье печи чуть-чуть изогнулось. Совсем едва — но так, что стало похоже на кривоватый рот.

— Тоже скажешь — не узнаёшь? — проворчал оттуда голос. — Стою тут, стою, всех грею, всем жарю, а память у вас — хуже, чем у углей после дождя.

Иван вздрогнул. Голос звучал глухо и пустынно, будто его произносили сразу со всех кирпичей.

— Я... — он запнулся. — Кажется, мы раньше не встречались.

— Встречались, не встречались... — устье печи чуть выгнулось, словно в усмешке. — Со мной все встречались. Только одни помнят, другие делают вид, что нет. Ты из каких будешь, забывчивый?

Иван осторожно подошёл ещё ближе. Жар стал ощутимым, щекотал щёки, как будто на лицо положили тёплую ладонь.

— Я и так мало что помню, — честно сказал он. — Ни имени, ни того, зачем сюда пришёл.

— Врёшь, — быстро отозвался голос. Пламя внутри коротко вспыхнуло, высветив кирпичный зев. — Про имя ещё ладно, с этим бабка помочь должна была, а вот про «зачем» — не ври. Вон как у тебя сердце к дыму тянет. Не просто так по острову шатаешься.

Иван хотел было возразить, но внутри действительно что-то отозвалось. Стоило подумать о море, о карте, о кривом крестике и нарисованном сундуке, как грудь изнутри наполнилась тем же жаром, что шёл от печи.

— Я... шёл за кладом, — сказал он. — На Буян.

— Так вот он, Буян, — фыркнула печь. — Под ногами у тебя. Шастаете тут, кому не лень. Клад ищешь? А ты определился, какой тебе нужен, или ещё не решил?

Пламя шевельнулось, сложилось в лоскутные тени, и Ивана на миг обдало запахом свежего хлеба, молока и чего-то ещё — чуть горького, как пережаренный сахар.

— Ты кто? — спросил он. — Старуха говорила про печь, но... я ожидал... ну, хотя бы дом вокруг.

— Дом вокруг — дело наживное, — буркнул голос. — Сегодня есть, завтра пожар, послезавтра буря, а я — стою. Я дух печи. Печник, если хочешь. Кого грею, кого кормлю, кого дожариваю... кто чего заслужил.

Из устья медленно выкатился сгусток дыма, вытянулся, как рука, и ткнул в него невидимым пальцем:

— А ты, видно, пришёл за советом.

Иван машинально сжал в кармане ложку, гвоздь и перо. Они отозвались по-разному: ложка — тёплым весёлым толчком, будто стукнувшая по краю котелка; гвоздь — тяжёлыми, упрямыми искрами; перо — лёгкой дрожью, словно по коже прошлось крыло.

— Мне сказали, — вспомнил он слова старухи, — что я могу задать тебе один вопрос. И будет один ответ.

— Так это у неё был один, — фыркнула печь. — У меня язык длиннее. Дам тебе три совета. Два — пустая труха, один — что надо. Разберёшься — молодец. Нет — значит дальше сам.

— А... можно узнать, какой из них... — начал он.

Пламя в устье коротко шваркнуло, как поднявшееся тесто.

— Можно, — проворчала печь. — Только пользы мало. Слушай.

Внутри загудело. Жар на миг усилился, воздух над печью задрожал, как над раскалённым металлом. Голос стал чуть глубже, будто из-под кирпичей поднялся ещё один, более старый слой.

— Совет первый, — медленно произнесла печь. — Если хочешь не сойти с ума на этом острове, не ходи туда, куда зовут. Слышишь голос — отворачивайся. Видишь дорогу, которая сама под ноги лезет — сворачивай. Остров любит звать, а слушать его — себе дороже.

Пламя чуть утихло, затрепетало, затем вспыхнуло снова.

— Совет второй. Если хочешь найти клад, иди за запахом. Не за путеводными звёздами, не за картами, не за знаками. Клады на Буяне всегда пахнут. Один — дымом, другой — морской водой, третий — свежей выпечкой. Туда и шагай, куда нос поведёт.

Иван невольно вскинул подбородок. Сейчас от печи как раз пахло хлебом — густо, щеко-чуще, с той особой теплотой, которая бывает только у печного, домашнего, не магазинного.

— Совет третий, — голос стал тише, но чётче, как если бы его говорили прямо в ухо. — Если хочешь вспомнить своё имя и дойти до конца, в первый раз, когда увидишь, что кому-то больно — не проходи мимо. Даже если это не твой человек, даже если это ловушка, даже если тебе говорят: «Не вмешивайся». Остров любит тех, кто отвернулся. Но только тем, кто не отвернулся, показывает выход.

Пламя тихо шваркнуло и вдруг сипло засмеялось.

— Вот тебе и три пирожка, путник. Один с начинкой, два — с дымом. Выбирай, какой кусать будешь.

— И всё? — спросил Иван. — Ты не скажешь, где сундук? Или... там, — он кивнул куда-то в сторону, где за деревьями угадывались более тёмные тени, — там, кажется, есть...

Он сам не знал, что именно там есть. Только под рёбрами слабо отозвалось что-то знакомое, будто далёкий, едва слышный плач, прорвавшийся сквозь толщу воды.

— Сундуки... — протянула печь. — С сундуками все умеют. Поди туда, копни тут, обкради того, опереди этого. Как дотянетесь до золота — сразу забываете, зачем шли. Тебе не сундуки надо, мальчишка.

От слова «мальчишка» у него внутри вздрогнуло — не от обиды, а от странного узнавания. Кто-то давно точно так же назвал его, и в голосе было не ворчание, а ласка.

— Мне надо... — он замолчал. Внутри, на самом дне памяти, дрогнул образ: чья-то рука в тонком рукаве, переплетённые пальцы, мягкий смех, как звон мелких ракушек о волны.

— Вот и вспомнил, — тихо хмыкнула печь. — Не словами, так кожей.

Пламя вдруг чихнуло, выпустив в небо сноп искр. Они взметнулись и сложились над печью в неясный рисунок: кольцо волны, под ним — крошечный остров, над островом — тонкая фигура, зажатая чем-то тяжёлым, похожим на цепи. Иван резко вытянул шею.

— Это... — вырвалось у него.

— Не суйся, — буркнула печь неожиданно резко. — Сгоришь раньше времени. Ты спрашивал про советы — я дала. А за видениями — к морю, а не ко мне.

Он замолчал. Три фразы зудели в голове, как песчинки: *«Не ходи туда, куда зовут. Иди за запахом. Не проходи мимо чужой боли»*.

— Ты сказала, — осторожно начал он, — что два совета — пустые. Значит, если я выберу неверный...

— Ничего, — перебила печь. — Не развалишься. Просто будет дольше, больше и, может, не до конца. У каждого клада свой срок. Не успеешь — подберёт другой.

Она помолчала и добавила, уже тише:

— Да и правду иногда надо через ложь узнавать. И наоборот.

Жар слегка убавился. Если раньше казалось, что он стоит у самых углей, то теперь — как будто у тёплой, выстуженной за ночь плиты.

— Так что, — в голосе снова появилось ворчливое тягучее ехидство, — какой совет твоему слабому человеческому мозгу по душе пришёлся?

Иван провёл ладонью по лицу. В висках гулко стучало. Он представил: идти не туда, куда зовут — значит, игнорировать собственное сердце, если оно тоже зовёт. Идти только по запаху... а если запах подсовывают специально? Остров ведь живой, он уже понял это по тому, как тропа иногда сама выходила ему навстречу.

И только третий совет — не про тропы и не про остров. Он — про него самого.

— Я не знаю, — честно сказал он. — Я не знаю, какой из них правильный.

— Конечно, не знаешь, — довольно хмыкнула печь. — Если бы знал, ты бы меня не спрашивал.

Он посмотрел на зев печи. Пламя внутри тихонько шевелилось, выглядывая наружу, как подгоревший пирожок.

— Но... — сказал он медленно. — Я знаю, какой из них мой.

— О-о, — протянула печь. — Это куда интереснее.

Он выдохнул.

— Если я буду каждый раз отворачиваться, когда меня зовут, я стану таким же, как... — он поискал слово и не нашёл. — Как кто-то, кто боится всего. Если буду ходить только за запахами — буду всё время думать о себе, о том, где вкуснее. А если... если я хотя бы один раз остановлюсь там, где кому-то больно... может быть, я вспомню, зачем вообще живу.

Пока он говорил, перо в кармане едва заметно пошевелилось и согрелось. Гвоздь не шелохнулся. Ложка откликнулась лёгкой вибрацией, будто где-то вдалеке ею помешал в котле.

— Значит, третий, — заключила печь. — Не проходить мимо чужой боли. Для начала терпимо.

Пламя вдруг стало ровнее, тише. Изнутри донёсся короткий тяжёлый вздох, будто кто-то скинул с плеч мешок.

— Ладно, богатырь недожаренный, — сказала печь, и в голосе впервые прозвучало что-то вроде одобрения. — Раз уж ты выбрал, тропа тебя сама подберёт. И помни: чужая боль здесь редко бывает по-настоящему чужой. На этом острове всё друг с другом связано, как поленица у стены.

— Я... не богатырь, — машинально возразил он. — И... не помню, как меня звали.

— Звали тебя, Петя, — устало фыркнула печь. — Только ты теперь делаешь вид, что забыл.

Он мотнул головой, словно на него вылили ушат холодной воды.

— Петя?.. — слово само сорвалось с губ, чужое и непонятное одновременно. — Это... моё имя?

— Чужое, своё... — печь хмыкнула дымом. — На этом острове имена долго не лежат на одном месте. Если тебе не по душе — потом поправишь. Если доживёшь.

Иван уже хотел спросить, откуда она знает это имя, но в топке вдруг что-то сухо щёлкнуло, словно заслонка захлопнулась. Он уже хотел шагнуть назад, но земля под ногами слегка качнулась. Он еле устоял, но равновесия не потерял и оглянулся.

Там, где ещё минуту назад тянулся лес, теперь между стволами ясно просматривалась новая тропинка — узкая, почти незаметная, вроде там только что прошли и слегка примяли траву. Оттуда доносился звук — очень тихий, почти неразличимый. Не стон, не крик — скорее жалобный, рваный вздох.

— Слышишь? — спросила печь.

Он кивнул.

— Иди. Там как раз кто-то не по твоей вине страдает. Посмотрим, что ты с этим сделаешь. Только учти: если пройдёшь мимо — остров запомнит. И я — тоже.

— А если это ловушка? — спросил он.

Пламя шевельнулось и усмехнулось:

— Ловушек тут больше, чем деревьев. Но кто сказал, что герой может выбирать себе только безопасные истории?

Он ещё мгновение постоял, чувствуя, как незримый жар печи греет ему спину, а из леса тянет сыростью, солью и чем-то ещё — странным, металлическим, как вкус крови на губах.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари, — отрезала печь. — Пойдёшь — сам спасибо скажешь, если жив останешься. Не пойдёшь — будешь всю жизнь на чужих кострах греться.

Она коротко чихнула. Из устья вылетела одна-единственная искра, метнулась к нему и погасла прямо над сердцем. В груди на миг стало жарко, потом тепло отступило, оставив лёгкий еле заметный отпечаток — как крохотный, невидимый знак.

— Это что? — удивился он.

— Отметка, — буркнул дух. — Чтобы я знала, чем всё кончится. Любопытно мне, понимаешь. Век стою, а скучно. Ступай уже, пока не передумал.

Иван развернулся и пошёл по тропке. Звук становился всё яснее. Теперь он понял: это был не просто вздох, а стон, прерываемый тяжёлым, сиплым дыханием. Кто-то лежал под завалом или застрял между корнями. Пахло сырой землёй, мокрой травой... и солью. Морской солью, хотя моря поблизости не было.

По мере того, как он углублялся в лес, тени сгущались, ветви низко нависали над головой, иногда чуть касаясь волос. Один раз тонкий сучок почти коснулся щеки, словно пробуя на вкус. Но он вспомнил: «Если побоишься — останешься», — и не остановился. За очередным поворотом тропа резко расширилась и упёрлась в овраг. На дне оврага, между корней и камней, кто-то действительно лежал.

Это был не вполне человек и не вполне зверь. Полузарытое тело покрывал грубый жёсткий мех, переходящий в мокрую чешуйчатую кожу. Вместо ног — широкие плавники, вместо рук — неуклюжие лапы с перепонками между пальцами. Голова напоминала голову огромной рыбыны, но из-под жабр пробивались клочья бороды, а изо рта торчали два клыка, больше похожие на медвежьи.

Существо тихо стонало, пытаясь пошевелиться. Одно из корневищ крепко прижимало его к камню, другая коряга словно прошила плечо. Под ним собиралась густая тёмная лужица — не совсем кровь, не совсем морская вода, нечто среднее.

Он замер. Внутри тут же поднялись два голоса. Один — свой, осторожный: *«Это ловушка. Сейчас подойдёшь — схватит, утащит, а сверху рухнет дерево или весь склон»*. Другой — только что услышанный: *«В первый раз, когда увидишь, что кому-то больно — не проходи мимо»*.

Он сжал в кармане перо — оно слегка согрелось. Ложка отозвалась тревожным, звонким толчком. Гвоздь — тяжёлой каменной тишиной, будто ждал, когда его поднимут. Иван глубоко вдохнул сырой, тяжёлый воздух и сделал шаг вперёд, в сторону чужой боли.

Часть 3. Колодец забвения

Иван шагнул к неизвестному существу, чувствуя, как внутренний голос спорит с этим шагом, а отметка печи под рубахой будто становится жарче — не обжигает, но напоминает: *«Я слежу, богатырь недожаренный»*.

Овраг под ногами осыпался мелкими камешками. Он спускался осторожно, цепляясь за корни, будто за перила лестницы, которую никто не собирался строить для людей.

Существо лежало, прижатое корневищем к камню, и стонало сипло, с хрипотцой моряка, наглотавшегося морской воды. Вблизи оно казалось ещё менее понятным: полузарытое в землю тело покрывал грубый мокрый мех, переходящий в чешую; из-под жаб свисали клочья бороды, а вместо ног — тяжёлые плавники. Словно природа в хорошем настроении решила: *«А давай-ка я соберу конструктор из всего, что осталось»*.

Иван замер на расстоянии вытянутой руки. Существо скосило на него мутный глаз — в глубине этого глаза шевельнулась не злоба, а усталая, вязкая боль, как у рыбы, мечущейся в тесном ведре. Или у человека, которому наступили на любимую мозоль. Дважды.

— Если это ловушка, — хрипло сказал Иван, — значит, мне по пути с ловушками. Привыкать надо.

Он подсунул плечо под корягу, что вдавливала грудь чудища в камень, упёрся ногами и потянул. Корень отвечал неохотно: натянулся, закрипел, а по стволу пробежала нервная дрожь, будто весь лес разом нахмурился и подумал: *«Опять этот чужестранец в моём огороде»*.

— Терпи, — выдохнул Иван. — Либо тебя вытащим, либо вдвоём тут останемся. Вариант с «вдвоём» мне нравится меньше.

Корень чуть ослабел, но не отпустил. Тогда Иван выхватил из кармана гвоздь. Тот в его ладони дрогнул, начал вытягиваться, на поверхности появился стальной блеск — и на миг у него в руке снова оказался тот самый клинок, что уже разрубил однажды корявые ветки-руки в лесу. Узкое матовое лезвие одним рубящим движением перерезало корень. Тот взвыл живым

и хриплым голосом — обиженно, как пылесос, которому дали втянуть носок — и обрубок втянулся в землю.

Камень под существом чуть поддался, и оно, хрипя, выскользнуло из ловушки, обмякнув на рыхлой земле. Тёмная лужа под ним перестала разрастаться и стала медленно втягиваться обратно, как если бы и сама земля передумала пить эту странную кровь.

— Живой? — спросил Иван, тяжело дыша.

— Пока да, — прохрипело существо голосом, в котором смешались плеск и рычание. — Зря ты это сделал, человечек. Лес не любит, когда у него отнимают боль. У него и так её не много, а ты ещё и экономишь.

— Ничего, — ответил Иван, вытирая пот со лба. — Пусть привыкает. Я сам не люблю, когда боль держат в плену. Особенно чужую.

Существо приподняло голову. Теперь в его взгляде, помимо боли, блеснуло любопытство — как у кота, который увидел незнакомую коробку.

— Запомню, — сказало оно неожиданно ясно. — Не всех, кого здесь прижимает, стоит выкапывать. Но ты сделал то, что должен. Если дойдёшь до моря — зови Водоворота. Скажи, что ты тот, кто вытащил его из западни. Я твой должник.

Имя «Водоворот» глухо ударило под рёбра, как волна о борт. На мгновение Иван увидел — или ему показалось — глубину: тёмную воронку воды, в центре которой светится крохотная фигура, зажата цепями. Он моргнул — видение исчезло. Перед ним снова был овраг, корни и странный раненый страж морей.

— Договорились, — коротко сказал Иван. — Буду знать, кому отослать SMSку².

Существо моргнуло медленно, по-рыбьи. Тело его стало чуть прозрачнее, контуры расплылись, будто на него посмотрели сквозь толщу воды. Запах сырости и соли усилился, накрыл, потом резко схлынул. Водоворот стал частью тумана и растворился в нём, оставив лишь влажный след на камне — и лёгкое чувство, что ты только что разговаривал с ожившим кошмаром рыбака.

Иван выбрался обратно на тропу. Плечи ныли, ладони саднили, сердце гулко стучало в груди, но внутри было странно тихо: осторожный голос про «ловушки» и зовущий голос про «чужую боль» на этот раз не спорили — только молча признали его выбор. Как два старых спорщика, которые наконец-то кивнули друг другу и ушли пить чай.

— Первый раз не прошёл мимо, — пробормотал он. — Посмотрим, хватит ли духу на второй. Или на третий. Или на десятый, если у острова плохое чувство меры.

Он поправил рубаху — у сердца всё ещё теплился невидимый знак печи и изнутри подогревал ему решимость — и пошёл дальше.

* * *

Шёл он шёл, пока лес не начал редеть. Сначала это было почти незаметно: ветви стали тянуться не к лицу, а друг к другу, переплетаясь над тропой, словно решали, стоит ли этого путника задерживать. Потом шёпот листьев сменился редкими вздохами, корни под ногами стали попадаться всё реже — словно лес устал и махнул лапой: *«Иди уже, всё равно не удержишь»*.

Жажда подкралась не сразу. Сначала просто горло саднило от дыма, что пропитал его ещё у печи. Потом язык стал сухим и шершавым, как наждачная бумага, мысли — вязкими, как каша из пересолённой крупы и без масла. Каждый вдох отдавался сухостью, будто он глотал тёплый песок. Пригоршнями.

² SMS* — короткое сообщение.

Как только он подумал о воде, лес вдруг взял, да и закончился. Сделав ещё один шаг, он вышел на небольшую круглую полянку. Полянка была ровная, как блюдо. Трава на ней — выцветшая и сухая — клонилась к земле, будто её солнце высушило, а скосить забыли. Посреди стоял старый колодец, каменный, покосившийся, обросший мхом по самые края. Вёдер не было, цепи не было — только тёмный зев, из которого пахло сыростью и чем-то ещё, незнакомым и непонятным. *«Вот было бы неплохо — глоток воды, да хоть из лужи»*, — подумал он и сам удивился, насколько громко прозвучала эта мысль внутри. Будто остров подслушивал. А он, как известно, подслушивал всегда.

Иван замер у кромки поляны.

— Ну да, — хрипло сказал он сам себе. — Подумал о воде — получи колодец. Ещё немного, и остров сам начнёт подносить кружку к моему рту. И, возможно, требовать чаевые.

Внутри всё пересохло, язык прилип к нёбу. Каждый шаг к колодцу отдавался в висках гулом: тук... тук... тук... как если бы его собственное сердце стучало по камню изнутри. *«Не ходи туда, куда зовут»*, — вспомнил он слова печи. — *«Иди за запахом... Не проходи мимо чужой боли...»*.

Он осторожно втянул воздух. От колодца не пахло ни хлебом, ни дымом, ни морской солью. Только сыростью и старым камнем. И ещё чуть-чуть — позабытым чужим стыдом. Но жажда толкала в спину сильнее любых запахов.

— Это не зов, — пробормотал он. — Это... необходимость. Как поход к зубному, только без анестезии.

Остров ему, конечно, ничего не ответил. Только трава под ногами тихо зашуршала, будто кто-то усмехнулся. Он подошёл ближе. Камни колодца были прохладные на вид, и от самого зева тянуло влажным холодом и обещанием воды. Он наклонился, вцепившись пальцами в край, и заглянул внутрь. Воды там не было видно.

Точнее, она была — но не такая, как он ожидал. На дне, вместо прозрачной жидкости, колыхалась какая-то субстанция с темноватой зеркальной поверхностью. Мутноватая, как в бочке после дождя, и в толще этой жидкости, на самом дне, переливался огоньками свет. Он наклонился ещё ниже — и увидел отражение, но не своё.

Под ним, в глубине, был другой день. Пыльный деревенский двор. Кривой забор, который так и не довели до ума и, похоже, уже не доведут. Вдоль забора натянута верёвка, на которой висели холсты — мокрые и тяжёлые. На корточках у корыта — девчонка в старом сарафане. Волосы выбились из косы, прилипли к щеке. Руки в мыльной воде до локтей. Она что-то напевала, тихо, сбиваясь, будто песню знала только наполовину.

Рядом на столбе висел новенький, только-только сшитый кафтан. По краю вышит узор из цветных ниток — по всему видно, что кафтан предназначен какому-то богатею или для праздника.

Из-за угла невзрачного домика во двор выходит мальчишка. Тот самый, который теперь называл себя то Иваном, то Петей, а то и вовсе никак. Только тут он был меньше, худее и упрямее, чем в нынешней памяти. И злее. И глупее. И очень-очень обиженным.

Он остановился, глянув на девчонку, на кафтан, на двор. В руках у него была щепотка грязи — жирной, чёрной, с лужи у ворот. Грязь, которая всё помнит.

— Не смей, — сказала девчонка, даже не оборачиваясь, усталым, но звонким голосом. — Это на заказ, на праздник.

— А мне никто ничего на праздник не шил, — ответил мальчишка внизу, под толщей воды. — Ни разу. И не собирался.

Иван над колодцем сжал кромку камней так, что побелели пальцы.

— Не надо, — прошептал он. — Не делай. Пожалуйста.

Но мальчишка внизу его, разумеется, не услышал. Он взял, да и плюхнул грязь прямо в кафтан. Один раз, затем, подумав, кинул ещё комок, да ещё подошёл и размазал ладонью.

Чёрные разводы легли по ткани, как затёки по стене. Красиво, если ты художник. Если ты не художник — это просто вандализм.

Девчонка резко обернулась. Лицо побледнело, как простыня.

— Ты что, совсем сдурел?! — закричала она. — Это ж... это ж на свадьбу брату! Ты...

Она сорвалась, но дальше слов было уже не разобрать: зеркальная поверхность дрогнула, вспухла пузырями стыда, шумом голосов. На дне мелькнули чужие взрослые лица, крик, шлепок по щеке — то ли ему, то ли кому-то ещё. Чей-то голос, хлесткий, как кнут: *«Ты всегда всё портишь, Петя. Всё, что тебе не принадлежит»*.

Поверхность колодца всплеснула и замерла. Иван отшатнулся, будто его самого шлёпнули. Горло скрутило так, что на миг захотелось вырвать из себя этот звук — «Петя» — и выбросить, пока имя само не прирастёт к нему навеки, как репей к штанам.

— Я... — выдавил он. — Я был...

Слово «подлецом» застряло в горле. Слишком тяжёлое, чтобы выговорить о себе самом. Слишком точное, чтобы врать.

— Ребёнком, — сухо подсказал кто-то у него за спиной.

Он повернулся. Никого. Лес молчал. Поляна пустая. Только колодец, да его собственное дыхание, да где-то далеко птица, которой вообще не было до него дела.

— Конечно, ребёнком, — отозвался в голове голос — как из печи, хотя печи тут не было. — Но это не отменяет того, что кто-то плакал из-за тебя. И, может быть, до сих пор помнит.

Внутри всё горело — не от жажды, от стыда. Жажда, кстати, никуда не делась: язык всё так же рвался к воде. Вода на дне казалась прохладной, живой. Стоило только нагнуться чуть ниже, дотянуться...

«Выпить и забыть», — прошептала трава у ног. Или ему показалось. — *«Всего глоток. И не будет ни кафтанов, ни Пети, ни чужих слёз. Только тишина и прохлада»*.

Он резко отпрянул.

— Нет, — сказал он вслух, словно отвечая поляне, колодцу, самому себе. — Если выпью, ничего не осознаю и ничего не решу. А я уже устал быть тем, кто ничего не решает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.